

25 ФЕВ 1984

4 стр.

2207
КНИГИ НАШИХ ЗЕМЛЯКОВ

ПРОБИВАЯСЬ К ИСТОКАМ

Щедро делаясь с начинающими писателями «секретами» литературного мастерства, А. М. Горький писал одному из них: «Выучек — две, одна — лько драть, другая — ланчи плести. Лько драть — значит: копить материал...» А поскольку двадцать пять лет жизни писателя, более ее трети, связано с Н. Новгородом, то, естественно, что много «лька надрано» именно здесь, много материала дали личные наблюдения нижегородской действительности.

Начиная, пожалуй, с его друга Василия Десницкого, замечавшего, например, по поводу романа «Мать»: «Быт Сормова, сормовские рабочие, нижегородские впечатления вошли в повесть в гораздо большей мере, чем это обычно принято думать, живой интерес к фактам нижегородской жизни, к биографиям конкретных нижегородцев, отразившихся в произведениях М. Горького, проявлял все известные горьковеды — И. Груздев, С. Касторский, Н. Пиксанов, Г. Ленобль, а также многие земляки писателя, исследующие многосторонние связи его творчества с родным городом, — А. Сигорский, Ф. Хитровский, Л. Фарбер, Н. Забурдаев. В этот «ручей» горьковедения, пробивающий почти столетнюю толщу времени, вливается и книжка сотрудника нашего литературного музея Ирины Никитиной*.

Главы книги касаются романа «Мать», некоторых пьес, эпопеи «Жизнь Клима Самгина» и произведений «окурковского цикла».

Что роман «Мать» имел прототипами главных своих героев сормовичей, давно известно. И. Никитина, однако, значительно расширяет рамки ранее установленных связей этой «очень своевременной книги», как назвал ее В. И. Ленин, с конкретными событиями нижегородской жизни, с эпизодами революционной борьбы и биографиями ее участников. Она показывает, что прототипами героев романа были не только Заломовы, Погнирьбко, но и А. Баранов, И. Чугурин, М. Самылин, Н. Долгополов, А. Панов. Прототипами женских образов явились нижегородские революционерки Л. Соколова, А. Кекишева, Ж. Гашер (впоследствии жена П. Заломова), О. Чачина, Е. Пискунова, Н. Рукавишников.

Черты их облика, характеров, факты деятельности убедительно сопоставляются с тем же на страницах горьковской книги. Ее подкупающая достоверность, как все более выясняется, зиждется на продиктованной писателю его замысел правде нижегородской действительности. Многие эпизоды романа навеяны ею и в ней узнаются.

Вот Горький рассказывает об убийстве рабочими полицейского провокатора и шпика Исаия Горбова.

А вот сообщение из газеты «Искра» от 7 ноября 1903 года: «Из нашей общественной жизни, Нижний Новгород. В середине сентября в городе появился провокатор Пятницкий. Спустя некоторое время он был найден в Сормове убитым... По этому делу много арестованных...»

Их было поначалу семнадцать. Держались все они стойко, и тянувшееся почти два года дело, как явствует из поданных И. Никитиной документов, за недостатком улик, было прекращено.

Доказательно прослеживается сходство судьбы, характера, жизненной позиции одной из главных героинь эпопеи «Жизнь Клима Самгина» Марины Зотовой с конкретной биографией нижегородской купеческой вдовы Юлии Болотовой. Алексей Максимович был знаком с ней лично. Играя видную роль в секте хлыстов, она однажды пригласила его побывать на их радении, и то, что он там

увидел, легло позднее в основу соответствующих страниц эпопеи.

Горьковская героиня, как и Юлия Болотова, была убита при загадочных обстоятельствах в своем магазине. Преступление так и осталось не раскрытым.

Сопоставляя правду реальную с художественной, было бы нелепо и ошибочно думать, что писатель придерживался принципа некоего протоколирования «потока» жизненных впечатлений. Тысячу раз нет! Однако подчас цитаты из действительности вливаются в художественную ткань почти буквально. Так, скажем, в разговоре Егора Булычова с отцом Павлином обсуждаются хулиганские действия нижегородского купца-самодура А. М. Губи-

на, который однажды во время церковного богослужения избил дьякона Лебедева. Все было именно так, как говорит Булычов, и даже фамилия — Губин — сохранена в пьесе подлинная.

Однако указание на вятского пароходчика Тихона Булычова как на прототипа Булычова горьковского не выглядит достаточно убедительным. Да и само название газетной статьи о Тихоне Булычове, помещенной в «Вятских губернских ведомостях», приводимое автором книги, — «Жадный и скупой» никак не вяжется с характером горьковского Булычова, натуры широкой, щедрой, размашистой. Так он написан. Таким играли его лучшие исполнители этой роли — Шукин, Ливанов, Лукьянов... Что же до совпадения фамилий и принадлежности к купеческому сословию... Но не этим ли, однако, сходство двух Булычовых исчерпывается? Да и само причисление к ряду «белых ворон» — как называет автор свою вторую главу — Алексея Губина вряд ли может быть оправдано. Нет ли тут заметной натяжки?

Третья и заключительная глава книги «По следам героев М. Горького» касается произведений так называемого арзамасского цикла. Мысль, высказанная В. Десницким, о том, что пьеса «Варвары» отражает «арзамасские впечатления Горького и его встречи со строителями железной дороги от Нижнего на Арзамас», Ромодановской, как она называлась, находит здесь свое подтверждение.

И. Никитина «докапывает» до тех современников арзамасской ссылки писателя, которые могли послужить прототипами его персонажей. Написана эта глава, так сказать, в журналистском ключе, в отличие от двух первых — исследовательских, научных. Это несколько нарушает стилевое единство книги, но может быть оправдано тем, что тут автор имеет дело не столько с документами, сколько с рассказами свидетелей тех далеких дней.

Насыщенная богатым фактическим материалом, снабженная отличным справочным аппаратом, книга И. Никитиной значительно обогащает наше представление о многосторонних и разнообразных связях жизни и творчества великого писателя с городом, носящим его имя.

С. ФИХ.

* И. В. Никитина. По следам героев М. Горького. Волго-Вятское книжное издательство, 1981. (Ред. Т. Пелевина).